УДК 39

DOI: 10.17223/19988613/68/14

И.В. Октябрьская

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири»

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Цель авторского исследования состоит в том, чтобы проследить становление и развитие ареального метода как способа описания и изучения этнокультурного многообразия России. Ареальное картирование, возникнув еще в XVII в., использовалось вплоть до современности. Актуализация метода была связана с введением концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, а также с утверждением теории этноса в советской науке. Признание возможности совмещения лингвистических, культурных и этнических ареалов соответствовало формировавшимся концепциям этногенеза и этнической истории. На рубеже XIX–XX вв. они были скорректированы теорией конструктивизма. В методологию современной российской этнологии вошла интерпретация развития культур и народов Евразии сквозь призму антропологии движения. Вместе с тем среди исследовательских технологий важное место сохранил ареальный подход. Вывод о его устойчивости в традиционном и современном прочтении стал основным для данной работы.

Ключевые слова: этнокультурное многообразие России, ареальные исследования, этнографическое картирование.

Понятие ареала (от лат. *area* – площадь, пространство), которое широко используется в современной науке, возникло в рамках системных исследований в естествознании XVIII в. В логике развития академической науки XIX в. подходы естественных наук были перенесены на общественную и гуманитарную сферы – освоение принципов систематики и теория эволюции повлияли на становление науки о народах мира, которая была институализирована как этнография / этнология в начале XIX в. Ее формирование совпало с эпохой национального строительства, когда устойчивыми стали представления о единстве народов и территорий, ими населенных, в политических границах вновь создаваемых государств.

В России, которая изначально формировалась как многонародная держава, изучение и картирование культурного и языкового многообразия являлись важным фактором ее обустройства. Известно, что тематические карты, фиксирующие народонаселение страны, появились еще в XVII в. Интерес к национальной (этнической) проблематике, спроецированный на карты, был связан с формированием имперского пространства и демаркацией внешних рубежей государства, с его административно-территориальным структурированием и социально-политическими трансформациями XVIII в.

Развитию отечественной картографии способствовало создание Императорского Русского географического общества (ИРГО). На протяжении XIX в. при его поддержке была издана серия карт различных областей Российского государства. Первыми этнографиче-

скими картами стали «Этнографический атлас Европейской России» (1848) и «Этнографическая карта Европейской России» (1851), подготовленные одним из соучредителей ИРГО, ученым, статистиком П.И. Кёппеном [1. С. 310–314].

В 1860-е гг. в России появились карты, фиксирующие конфессиональную ситуацию в отдельных областях. Этапной в развитии картографии стала «Этнографическая карта Азиатской России» (1868), составленная одним из основоположников отечественной геополитики, действительным членом ИРГО, генерал-майором М.И. Венюковым в рамках подготовки Атласа Российской империи. На карте были обозначены ареалы 20 народов с указанием их численности. Приоритетной в их формализованном описании (определяющем содержание карт) являлась языковая принадлежность [2].

В 1875 г. была издана «Этнографическая карта Европейской России», составленная по поручению ИРГО его действительным членом, генерал-лейтенантом А.Ф. Риттихом. На карту были нанесены ареалы 46 народов Европейской России, Финляндии, Прибалтики, Закавказья, Украины, Беларуси, Молдовы. Сразу после выхода это издание получило высокую международную оценку [1. С. 322].

Развитие метода картирования как способа описания языкового и культурного многообразия в мировой и российской гуманитарной науке было связано со становлением ареальной лингвистики. Основные ее принципы были сформулированы в начале XX в.; но еще задолго до этого сложились методы описания территориального распространения отдельных языков.

В России вопросам языкознания традиционно уделялось большое внимание. Обсуждение языковых реалий и перспектив было связано с проблемами самоопределения народов империи, сопровождало становление националистических движений и определяло содержание академических проектов. В середине XIX в. в отечественной науке была осознана необходимость изучения пространства языков и диалектов.

Издание диалектологических атласов Европы придало новый импульс диалектологии России. К 1914–1915 гг. в стране было подготовлено издание «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии». На карте были показаны ареалы распространения диалектов русского, украинского и белорусского языков. Началось обсуждение программы составления диалектологического атласа русского языка. Связанная с лингвистической географией картография получила значительный импульс к развитию.

Сквозь призму географии в конце XIX в. рассматривались многие аспекты существования многонационального российского общества. Широкой известностью в стране пользовались концепции антропогеографии. Особенно популярными в России были сочинения Ф. Ратцеля: «Политическая география», изданная в 1897 г., «Земля и жизнь: сравнительное земледоведение» и «Народоведение» – в 1903–1906 гг. и др.

С 1894 по 1921 г. в России издавался журнал «Земледоведение». Он выходил под редакцией географа, археолога, этнографа Д.Н. Анучина. На страницах журнала Д.Н. Анучин публиковал переводы Ф. Ратцеля и много писал о «географии человека». Антропогеографические исследования предполагали соединение географического, историко-культурного, социально-экономического и политического аспектов в описании земного пространства, народов и государств.

Этот подход определил подготовку фундаментального «Атласа Азиатской России» (1914). В его структуре была выделена этнографическая карта, на которой были обозначенные ареалы расселения 21 народа, объединенных по языковому признаку. Согласно картам XIX – начала XX в. язык оставался важнейшей характеристикой народов при их локализации [3].

В конце XIX в. освоение языкового и этнокультурного многообразия России на уровне картографии было связано с утверждением концепта «культурного ареала». Полагают, что впервые этот термин был использован американским этнологом О. Мейсоном в 1894 г. Его научные взгляды определила концепция поэтапной эволюции культуры, предполагавшая признание единых принципов развития и сходство стадийно синхронных явлений культуры. На этой основе формировались типологический и классификационный методы, которые позволяли оценить множество однотипных реалий. Устойчивость признаков и определенность типов являлись потенциальной основой выделения культурного ареала.

Утверждение этого концепта в мировой науке связывали с трудами Ф. Ратцеля. Для изучения культур в их взаимодействии с окружающей средой ученый ввел понятия «культурных зон» и «кругов народов».

Творчество Ф. Ратцеля повлияло на формирование диффузионистского направления – теории «культурных кругов» / «культурных ареалов» в мировой этнологии / антропологии. В рамках этого подхода фокус был перенесен на оценку механизма распространения и развития культур. Объектом исследования стали целостные во времени и пространстве структуры – культурные круги, или ареалы. Принадлежавшая к диффузионистскому направлению историко-географическая школа в фольклористике поставила проблему миграции сюжетов, были разработаны принципы их географической генерализации и заложены основы выделения ареалов.

В работах лидера американской школы исторической антропологии Ф. Боаса и его последователей теория «культурных кругов» приобрела новое прочтение. Один из учеников Ф. Боаса, А. Крёбер, в работе «Типы индейской культуры в Калифорнии» (1904) использовал понятие «культурный ареал» как инструмент анализа. Под культурными ареалами он понимал ограниченные в пространстве и времени «конфигурации» признаков, подчеркивал их тесную связь с ареалами природными. Другой представитель этой школы, К. Уисслер использовал понятие «культурного ареала» / «культурной области» в работе «Американский индеец» (1917) для оценки «пищевых областей» автохтонных обитателей Нового Света [4].

Теоретические изыскания в антропологии XIX–XX вв. повлияли на формирование концепта «археологическая культура», который утвердился в науке с 1920-х гг. благодаря творчеству выдающегося археолога, одного из основоположников антропологического неозолуционизма Г. Чайлда. Занимаясь изучением европейских древностей, он выделил устойчивые типы памятников, комплекс связанных между собой черт обозначил в качестве «культурной группы», или «культуры», которую соотносил с категорией «народ». Позднее это определение было пересмотрено в пользу оценки технологий, периодов, локально-исторических систем и т.д. Но для мировой и российской археологии первой половины XX в. были актуальны методологические поиски, основанные на отождествлении археологических культур и этнокультурных областей [5].

Сходный подход с использованием концепта культурных ареалов осваивался в российской этнографии с начала XX в. Этапными в этом контексте стали работы выдающегося российского североведа В.Г. Богораз-Тана. В биографии этого ученого было участие в Северо-Тихоокеанской экспедиции Американского музея естественной истории 1897–1902 гг. под руководством Ф. Боаса. Его контакты с американскими и европейскими центрами антропологии и этнологии продолжались и в последующие десятилетия. Вместе с Л.Я. Штернбергом – лидером ленинградской школы этнографии, последовательным эволюционистом – он создавал Географический институт, который в 1925 г. был включен в Ленинградский университет в качестве факультета с общегеографическим и этнографическим отделениями.

В 1921 г. В.Г. Богораз-Тан приступил к чтению лекций в этом институте, затем – в Ленинградском

университете. Кратким изложением одного из его курсов стала работа «Распространение культуры на Земле (культ-круги Евразии в этногеографическом освещении)» (1925). Лекции 1926–1927 гг. были сведены в книгу «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (1928). В ней ученый рассмотрел все человечество и отдельные народы в их пространственном, географическом измерении. «Этногеография, – писал он, – как видно из самого ее названия, есть наука, совмещающая в себе элементы этнографии и географии... В свою очередь, этнография почти таким же путем составляет смычку наук естественных и наук общественных и представляет широкое подножие для всех гуманитарных дисциплин, в частности для социологии.

Термин “этногеография” представляет видоизменение другого термина, предложенного Ф. Ратцелем, – “антропогеография”... Термин “этногеография” идет далее. Он подчеркивает дальнейшее развитие рода “человек”, разделение его на расы, народы, племена и включает всю совокупность культуры, созданной человеком на земле, во всем ее историческом и географическом разнообразии. Термин “антропогеография” относится к роду “человек”, термин “этногеография” относится к человечеству» [6. С. 41–42].

Этногеография, в определении В.Г. Богораз-Тана, в широком смысле являлась наукой о возникновении и развитии человеческой культуры, которую он считал возможным рассматривать на основе глобальной типизации и обобщений – «...путем извлечения из отдельных культурных кругов и национальных единиц общих основ организации и творчества, свойственных всему человечеству» [Там же. С. 62].

Ключевой в концепции В.Г. Богораз-Тана являлась категория «этногеографической зоны». Опираясь на тезис о связи культуры и места, В.Г. Богораз-Тан дал обзорную характеристику культур с привязкой к одним и тем же географическим зонам различных континентов. Он обозначил типы культур и закономерности их возникновения в эволюционной перспективе с привязкой к сходным локусам, подчеркнул их изначальную близость и проследил варианты развития от «первобытности» к современности.

Концепция этногеографических зон В.Г. Богораз-Тана предвляла выводы А. Крёбера, изложенные в его монографии «Configurations of Culture Growth» / «Конфигурации культурного роста» (1944), а также некоторые тренды мировой и российской этнологии и антропологии середины XX в., в том числе разработку теории хозяйственно-культурных типов и концептов культурной географии. Но в 1920-е гг. теоретические изыскания В.Г. Богораз-Тана не встретили понимания.

На Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. дискуссия по вопросам методологии, в том числе по теории этноса, была прекращена. Теоретической основой этнографии / этнологии было объявлено марксистское учение о социально-экономических формациях, а главной ее задачей – анализ социально-экономических отношений на примере конкретных сообществ. Рубеж 1920–1930-х гг. был ознаменован ревизией этнографии, ограничениями деятельности ее образовательных и академических центров.

Однако этнографическое картирование продолжало развиваться. Созданная в 1917 г. при Академии наук Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран вела подготовку карт многих областей страны. Они имели большое значение в ходе национального строительства в СССР и национально-территориального размежевания. Эти работы были синхронны развитию мировых практик картирования – с 1920-х г. в разных странах велась подготовка этнографических атласов, посвященных обзору и географической проекции явлений культуры и форм общественного бытия их народонаселения [7. С. 92].

Новый этап в развитии этнографического (этнонационального) картирования начался после Великой Отечественной войны в связи с реструктуризацией европейских и российских границ. Осмыслением и обоснованием этих практик стали работы П.И. Кушнера, посвященные методам исследований (типизации и картирования) этнических границ и территорий. Эта проблема и – шире – проблема соотношения этнографии и географии активно обсуждались в советской науке того периода [8. С. 183–187].

В 1944–1952 гг. П.И. Кушнер возглавлял сектор этнографической статистики и картографии Института этнографии. Он и его коллеги разрабатывали принципы картирования различных компонентов культуры в их развитии. В 1951 г. была опубликована первая учебная карта народов СССР. Сложились основные типы этнографических карт. Учеными составлялись этнические и историко-этнические карты, характеризующие расселение народов в прошлом и настоящем, а также историко-этнографические карты, фиксирующие различные сферы их традиционной культуры [9].

Разработка методов картирования осуществлялась с учетом мирового опыта. В 1953 г. была создана Постоянная международная комиссия по историко-этнографическим атласам, в которую вошел один из лидеров советской этнографии того времени, специалист по этнологическому картированию С.И. Брук. Принципы и практики картирования широко обсуждались в науке различных стран на протяжении 1950–1960-х гг. [7. С. 96–101].

Актуализация методов ареального картирования и компонентного анализа в этнографии / этнологии была связана с концепцией хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических / историко-культурных областей (ИКО) М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, которая была изложена ими в 1955 г. и в определенной степени стала адаптацией теории «культурных ареалов» к советской гуманитарной науке. Под ХКТ исследователи понимали комплекс хозяйства и культуры, который складывался у народов, достигших одинаковых уровней социально-экономического развития в сходных природно-географических условиях. Под ИКО понимали территории, у населения которых в силу общности истории, социально-экономического развития и контактов складывались сходные культурные особенности. В отечественной этнографии была разработана иерархическая система ИКО, которые делились на районы и, в свою очередь, входили в историко-этнографические / историко-культурные про-

винции. В границах Евразии было выделено 10 провинций, каждая из которых делилась на ряд областей [10. С. 3–17].

С 1950-х гг. представления о связи народов и культур с территориями их возникновения и природной средой определили содержание академического дискурса, который сопровождал становление теории этноса. Прикладным выражением этого направления стала серия карт и атласов. В 1961 г. под редакцией М.Г. Левина и Л.П. Потапова был издан «Историко-этнографический атлас Сибири», основные разделы которого, дополненные картами, были посвящены типам транспорта, жилищ, одежды, головных уборов, орнамента и шаманских бубнов коренных народов Сибири.

В 1967 г. появилось издание «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX – начало XX века. Карты», основу которого составлял свод – 71 тематическая карта. Его предворяли «Этнографическая карта Европейской России (конец XIX – начало XX в.)», «Административная карта Европейской России» и карты «Растительность Европейской России» и «Почвы Европейской России».

Подготовка и выход этнографических атласов совпадали с развитием лингвистической географии в СССР и в мире с 1950-х гг. На основе ареального подхода, утвердившегося в рамках этого направления, были проведены исследования, ставшие основой серии диалектологических атласов европейских языков [11. С. 12]. Использованные в них концепты «языкового» («диалектного») и «культурно-исторического» ареалов соотносились с реалиями этнических языков и культур на синхронном и диахронном уровнях с учетом межкультурных взаимодействий.

Ареальный принцип использовался при издании в 1970 г. фундаментальной работы «Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX – начало XX в.». Его основой были методы типологизации, компонентного анализа и ареального моделирования.

Основной изысканий советских этнографов второй половины XX в. являлся концепт «этнической территории» (пространства становления того или иного этноса), сложившийся в рамках советской теории этноса. Анализ этногенеза и этнической истории предполагал возможность совмещения лингвистических, культурных и этнических ареалов в прошлом и настоящем. Территории и характерные для них природные ландшафты исследователи рассматривали как основу жизнедеятельности и культуры формирующихся в их пределах этносов. Целостность и непрерывность этнической территории рассматривали как условие их консолидации. В исторической перспективе территории могли меняться – возникали этнически смешанные ареалы и анклавы. История этносов сопровождалась движениями за создание территориальных автономий различного уровня. Этот процесс был особенно характерен для периода образования национальных государств [12].

С опорой на такую трактовку понятия «этнической территории» на материалах различных сообществ отрабатывались принципы ареального картирования. Его цель состояла в отображении элементов этнических культур с привязкой к ландшафтам в соответствии с исторической хронологией. Карты рассматривались как инструмент исследований, ориентированных преимущественно на типологический подход; они позволяли выявлять динамику культуры (архаику и новации), обозначать субэтнические ареалы и зоны межэтнических взаимодействий. Ареальное картирование давало возможность формализовать описания, оно оценивалось специалистами как эвристический метод, так как позволяло выявлять новые закономерности и проблемы, требующие осмысления [13].

Опыт ареальных исследований в российской науке широко обсуждался на протяжении 1970–1980-х гг., была выпущена серия сборников, в том числе материалы конференции «Проблемы атласной картографии» Башкирского научного центра. В 1983 г. теория и практика картирования была обобщена в издании «Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос)», где на примере культур, языка и фольклора народов Европы, Азии, Америки были рассмотрены принципы выделения диалектов и языков в лингвогеографическом аспекте, этнических групп и народов – в историко-этнографическом.

Одним из итогов коллективного исследования стал вывод о сложности корреляции различных признаков в рамках системных ареальных исследований. Тем не менее они продолжали использоваться в качестве инструмента анализа этноязыковых, этнокультурных и этногенетических процессов древности и современности. Так, в работе В.С. Титова «Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в.» (1983) традиционная культура белорусов рассматривалась во всем многообразии локальных вариантов. Использованный автором принцип ареального картирования в сочетании с культурно-историческим подходом позволил выделить в границах Белоруссии нескольких историко-этнографических областей.

В работе «Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования)» (1984) ученый-сибиревед Н.А. Алексеев предпринял ареальную характеристику сакральных практик якутов, алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и тофаларов с позиций преемственности в развитии аутентичных религиозных воззрений. Автор картировал различные типы шаманских атрибутов, сделав выводы о присутствии в шаманизме тюрков Сибири различных, в том числе иноэтнических, комплексов. Это исследование обозначило перспективы сравнительных ареальных изысканий.

Интеграция этнографии, лингвистики, археологии в формате ареального подхода сохранила актуальность в рамках культур- и этногенетических исследований в российской науке вплоть до конца XX в. Совмещение разновременных ареалов топонимики и языка с археологическими и этническими ареалами стало основанием для реконструкции этнокультурных сообществ Евразии

в их динамике. Пафос таких исследований определяли представления о непрерывности и многокомпонентном характере глобального этногенеза, итогом которого являлись современные народы континента.

Широкомасштабный характер имели этногенетические и этноисторические обобщения, сделанные на основе ареальных исследований в фольклористике. Так, например, усилиями археолога, этнографа, мифолога Ю.Е. Березкина был создан аналитический каталог фольклорно-мифологических мотивов (более 2 200 ед.), обработка которых и ареальное картирование позволяли моделировать процессы становления народов и культур Старого и Нового Света, а также изменения векторов обмена информацией с древности до современности [14].

Ареальный метод в изучении этногенеза продолжал использоваться в археологии и этнографии Сибири на рубеже XX–XXI вв. Однако он был скорректирован теорией и практиками конструктивизма, который акцентировал социально-политические факторы, определяющие консолидацию этнических сообществ. Под влиянием конструктивизма была предпринята попытка поиска и осмысления структуры и динамики идентич-

ностей; типологические исследования как основа ареального картирования в этнографии / этнологии отошли на второй план.

Новым стимулом к развитию ареального подхода в этнографических / этнологических исследованиях в России начала XXI в. стала концепция локальных и магистральных культур, сформулированная одним из лидеров современной российской этнологии А.В. Головневым в работе «Антропология движения» (2009). Согласно этой теории, локальные культуры формировались на основе эко-адаптации, магистральные являлись собой механизм освоения социальных ресурсов и глобальных пространств. Они синтезировали локальные культуры в сложные сообщества, которые в разные эпохи имели вид археологических культур, языковых семей, государств.

Интерпретация развития культур и народов Евразии сквозь призму антропологии движения вошла в методологию современной российской науки – этнографии / этнологии и археологии. Их перспективы определил широкий диапазон исследовательских технологий, среди которых важное место сохранил ареальный подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петронис В. *Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в поздней имперской России (вторая половина XIX века)* // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи*. М.: НЛЮ, 2010. С. 308–329.
2. Россия, Азиатская часть: этнографическая карта Азиатской России / сост. М. Венюков. СПб.: Ильин, 1896.
3. Атлас Азиатской России / изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. 71 карта.
4. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в Американской этнографии. М.: Наука, 1979. 288 с.
5. Лынша В.А. Гордон Чайлд и американский неозволюционизм // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 5. С. 3–17.
6. Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. 314 с.
7. Брук С.И., Токарев С.А. Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа (по материалам Международной конференции по этнологическому картографированию в Загребе 7–10 февраля 1966 года) // *Советская этнография*. 1966. № 5. С. 91–101.
8. Никишенков А.А. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 3. С. 183–187.
9. Брук С.И., Козлов В.И. Основные проблемы этнической картографии // *Советская этнография*. 1961. № 5. С. 9–26.
10. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // *Советская этнография*. 1955. № 4. С. 3–17.
11. Вопросы славянского языкознания на IV Международном съезде славистов // *Вопросы языкознания*. 1959. № 1. С. 3–15.
12. Козлов В.И. Этнос и территория // *Советская этнография*. 1971. № 6. С. 89–100.
13. Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. 324 с.
14. Березкин Ю.Е. Мифология аборигенов Америки: результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // *История и семиотика индейских культур Америки*. М.: Наука, 2002. С. 259–346.

Irina V. Oktyabrskaya, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: siem405@yandex.ru

AREAL RESEARCH IN RUSSIAN ETHNOGRAPHY: TRADITIONS AND CURRENT STATE

Keywords: ethno-cultural diversity of Russia, areal research, ethnographic mapping.

The content of the article is determined by the history of Russian Ethnography in the history of the Russian state. The purpose of the author's research is to trace the formation and the development of the areal method as a way to describe and study the ethnic and cultural diversity of the country. The main sources of the article are the ethnographic maps and atlases published in Russia in the XIX–XX centuries, as well as the works of Russian scientists devoted to the substantiation of the principles of an areal research. Their history goes back to mapping the cultural and linguistic diversity of the Russian state. One of the conclusions of the article is the thesis that the interest in ethnic issues projected on the maps was associated with the formation of the Imperial space and its administrative-territorial structuring. The areal mapping as a form and a tool for describing the population of Russia appeared in the XVII century and is used up to the present day. The article also substantiates the position that the formation and the development of the areal method in Russian Ethnography was determined by the broad context – the development of the geography, the dialectology, the linguistic geography, the folklore. The approval of the concept of the "cultural area" was associated with the formation of the anthropogeography and the theory of "cultural circles". A milestone in its development was the work of the outstanding Russian / Soviet ethnographer V. G. Bogoraz-Tan. Based on an analysis of his works of the early twentieth century, it is concluded that the concept of ethnogeographic zones proposed in them has anticipated some trends in world and Russian Ethnology of the mid-twentieth century, including the development of the theory of economic and cultural types and the concepts of the cultural geography. The actualization of the method of areal mapping in Soviet science was associated with the introduction of the concept of economic and cultural types and historical and ethnographic areas, as well as with the approval of the theory of the ethnos. In the theory of ethnos, the thesis about the connection between peoples and cultures with the territories of their origin has become an axiom. This thesis is embodied in a series of maps and atlases published in Russia using the methods of the typology, the component analysis, and the areal modeling. The recognition of the possibility to combine the linguistic,

cultural and ethnic areas in the past and present was corresponded to the concepts of ethnogenesis and ethnic history forming in the Russian Ethnography. At the turn of the XIX-XX centuries, these concepts were corrected by the theory and the practice of the constructivism. From a new perspective, the concept of the ethnogenesis has lost its former relevance. In the methodology of modern Russian Ethnology the development of cultures and peoples of Eurasia are interpreted through the prism of the anthropology of movement. The areal approach has retained an important place among the relevant research technologies in this area. The areal method in its traditional and modern interpretation are steadily used In the Russian Ethnography. This conclusion has become the main one for this article.

REFERENCES

1. Petronis, V. (2010) Pinge, divide et impera: vzaimovliyanie etnicheskoy kartografii i natsional'noy politiki v pozdneimperskoy Rossii (vtoraya polovina XIX veka) [Pinge, divide et impera: the mutual influence of ethnic cartography and national politics in late imperial Russia (second half of the 19th century)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii* [Imperium inter pares: the role of transfers in the history of the Russian Empire]. Moscow: NLO. pp. 308–329.
2. Venyukov, M. (1896) *Rossiya, Aziatskaya chast' : etnograficheskaya karta Aziatskoy Rossii* [Russia, Asian part: an ethnographic map of Asian Russia]. St. Petersburg: Il'in.
3. Tkhorzhevsky, I.I. & Tsvetkov, M.A. (eds) (1914) *Atlas Aziatskoy Rossii* [Atlas of Asian Russia]. St. Petersburg: A.F. Marks.
4. Averkieva, Yu.P. (1979) *Istoriya teoreticheskoy mysli v Amerikanskoj etnografii* [History of Theoretical Thought in American Ethnography]. Moscow: Nauka.
5. Lynsha, V.A. (2001) Gordon Chayld i amerikanskiy neoevolutsionizm [Gordon Child and American Neo-evolutionism]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 5. pp. 3–17.
6. Bogoraz-Tan, V.G. (1928) *Rasprostranenie kul'tury na zemle. Osnovy etnogeografii* [The dissemination of culture on earth. Foundations of ethnogeography]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
7. Bruk, S.I. & Tokarev, S.A. (1966) Problemy sostavleniya evropeyskogo istoriko-etnograficheskogo atlasa (po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii po etnologicheskomu kartografirovaniyu v Zagrebe 7–10 fevralya 1966 goda) [Problems of compiling a European historical and ethnographic atlas (based on the materials of the International Conference on Ethnological Mapping in Zagreb on February 7–10, 1966)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 91–101.
8. Nikishenkov, A.A. (2007) P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1950-e gody [P.I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920s – 1950s]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 183–187.
9. Bruk, S.I. & Kozlov, V.I. (1961) Osnovnye problemy etnicheskoy kartografii [The main problems of ethnic cartography]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 9–26.
10. Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955) Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 3–17.
11. Anon. (1959) Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya na IV Mezhdunarodnom s"ezde slavistov [Problems of Slavic linguistics at the Fourth International Congress of Slavists]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 3–15.
12. Kozlov, V.I. (1971) Etnos i territoriya [Ethnicity and territory]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 89–100.
13. Bruk, S.I. (ed.) (1974) *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Problems of mapping in linguistics and ethnography]. Leningrad: Nauka.
14. Berezkin, Yu.E. (2002) Mifologiya aborigenov Ameriki: rezul'taty statisticheskoy obrabotki areal'nogo raspredeleniya motivov [Mythology of American Aborigines: Results of Statistical Processing of Areal Distribution of Motives]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Istoriya i semiotika indeyskikh kul'tur Ameriki* [History and Semiotics of American Indian Cultures]. Moscow: Nauka. pp. 259–346.